

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов Б.А. Типология элементарного предложения в современном немецком языке. — М.: МГПИИЯ им. М.Тореза. — 104 с.

Абрамов Б.А. О структурном аспекте предложения. // Вопросы романо-германской филологии. Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. — М.: МГПИИЯ. — Вып. 91. — С. 93-101.

Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. — Л.: Наука. — 324 с.

Гришаева Л.И. Реализация/нереализация валентных свойств глаголов как один из механизмов вербализации внеязыковой действительности (на материале русских и немецких глаголов антропосферы). — Воронеж, Воронеж. гос. университет. — Рук. деп. в ИНИОН РАН от 30 ноября 1998 г., № 54075. — 115 с.

Гришаева Л.И. Номинативно-коммуникативная функция предложений с глаголами поведения. — Воронеж: ВГУ, 1998₁. — 272 с.

Гришаева Л.И. Глаголы поведения как семантический класс глаголов антропосферы: когнитивный, семантико-структурный и функциональный аспекты описания (на материале немецких глаголов

поведения). — Диссер.... докт. филол. наук. — Воронеж, 1999. — 450 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. — М.: Наука. — 158 с.

Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира. // Серебренников Б.А. и др. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М.. — С. 141-172.

Кубрякова Е.С. Лексикон и современные проблемы его изучения. // Картина мира: Лексикон и текст (на материале английского языка). — Сб. науч. трудов МГЛУ. — Вып. 375. — Отв. ред. З.В.Семерикова. — М.: МГЛУ. — С.4-11.

Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. — М.: Наука. — 240 с.

Фесенко Т.А. Языковое сознание в интраэтнической среде. — Тамбов: ТГУ. — 148 с.

Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования. — Автореферат доктора филологических наук. — Москва, 1999. — 46 с. Admoni V.G. Der deutsche Sprachbau. — М.: Просвещение, 1986. — 335 с.

Duden. Die Grammatik. — Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus, — 864 S.

А.П. Бабушкин

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ КАК “ОКНО” В ИНЫЕ МИРЫ

Сослагательное наклонение представляет действие, выраженное глаголом, не как реальное, а как желаемое, предполагаемое, возможное (или невозможное), которое могло бы произойти при выполнении определенных условий: *Вы бы многое знали, если бы читали газеты; Если бы у меня были деньги, я бы купил эту книгу.* Наиболее распространенная форма объективизации сослагательного (или условного) наклонения в русском языке — глагол на “л” в сочетании с частицей “бы”. Вместе с тем, сослагательное наклонение глагола — явление, свойственное многим языкам и, как свидетельствует литература, возможно выстроить типологию языков

мира в зависимости от того, имеется ли в них подобная категория, и, если да, то какими средствами обеспечивается ее реализация. Так, например, в русском языке, как отмечалось выше, имеется единственный способ выражения сослагательного наклонения, не имеющий временного плана, тогда как в английском — наблюдается разграничение аналитических форм условных предложений, одна из которых соотносится с настоящим и будущим, а другая — с прошедшим временем.

Нельзя сказать, что условные предложения являлись предметом особого внимания лингвистов с точки зрения несомыми семантики. За последнее десятилетие

можно отметить лишь серию работ В.С. Храковского, специально посвященных анализу условных конструкций как на материале русского языка, так и на фоне других языков, в том числе, и экзотических [1].

Ученый рассматривает соотношение кондициональных и темпоральных значений в условных предложениях, выделяя более сорока типов моделей, что позволяет автору разработать своеобразную анкету для описания подобных конструкций в различных языках мира, выделить ядерные и периферийные структуры в рамках одного языка. Окаasionally условные предложения в западной литературе, чаще всего, английской, используются для иллюстраций идеи так называемых “иных” (или “возможных”) миров.

Возможные миры – это одна из чрезвычайно сложных и глубоких логических, математических и лингвистических проблем. Инициатором постановки вопроса о возможных мирах выступил немецкий философ, физик и математик Готфрид Вильгельм Лейбниц. Лейбниц разработал ряд “априорных”, независимых от опыта принципов бытия, относя к ним:

1. непротиворечивость всякого возможного или мыслимого, бытия;
2. примат возможного над действительным (существующим), в том числе, возможность бесчисленного множества непротиворечивых миров;
3. достаточную обоснованность того факта, что существует именно данный мир, а не какой-либо другой из возможных;
4. совершенство данного мира как достаточное основание его существования.

По Лейбницу, реальный мир состоит из многочисленных субстанций, неделимых первоэлементов бытия – “монад”, гармония между которыми утверждается с помощью Божественной силы (2, с. 305). Божественный разум непременно и извечного содержит варианты беспредельного набора миров, творя его таким, каков он есть (3, с. 239). Следовательно, возможные миры – совокупность альтернатив, из которых Создатель делает свой выбор. Иные миры возможны, по крайней мере, в том смысле, что они логически состоятельны.

Эти миры имеют завершенную форму, так как они содержат тотальность всех возможных живых существ, “свою” Вселенную в ее пространственных границах и временной истории.

Не все постулаты Лейбница стали достоянием современной науки, но его идея о необходимости как истинности во всех возможных мирах легла в основу особого направления в модальной логике, известного под названием семантики возможных миров, которое получило развитие в работах С. Крипке, С. Кангера, Я. Хинтикки и других ученых. Заметим, что современная логика увязывает проблему иных миров именно с истиной как адекватным отражением предметов и явлений действительности познающим субъектом, а также с категориями времени и модальности (4, с. 633).

Имеется несколько противоположных точек зрения на иные миры. Наряду с неприятием самой идеи возможных миров до сих пор существует мнение о том, что иные миры – это реально существующие пространства, заключающие в себе физически воспринимаемые сущности в виде конкретных небесных тел, городов, населяющих их людей и т.п. “Мне кажется, что все, кто так рассуждает, как-то слишком буквально понимают метафорическое выражение “возможные миры”. Как будто “возможный мир – это что-то вроде другой страны или отдаленной планеты, а действующие в нем лица едва различимы через телескоп”, – пишет С. Крипке (5, с. 354). Ученый предлагает даже отказаться от термина “возможный мир”, используя вместо него выражение “контрфактическая ситуация”.

В условном предложении, реализующем контрфактическую ситуацию, логики различают антецедент (первый член условного предложения, формирующий собственно условие) и консеквент (второй член условного предложения или следствие) по модели “Если Р, то Q”, где Р – антецедент, а Q – консеквент. Логика считает данные конструкции истинными только в том случае, когда истинен консеквент в ближайшем из возможных миров, и в этом ближайшем мире истинным должен быть также и антецедент: *Если бы вы поверну-*

ли выключатель, свет загорелся бы. “Контрфакт” относительно выключателя правдив, если “мир”, в котором при повороте выключателя загорелся бы свет, близок к тому реальному миру, в бытовании которого поворот выключателя действительно приводит к освещению помещения (6, с. 164).

Наряду с ближайшим возможным миром, ученые, задаваясь вопросом об истинности того или иного высказывания как о доказательстве отражения действительного мира, признают существование других альтернативных миров (7, с. 191), если только объективирующие их высказывания не противоречат законам логики. “Существуют возможные миры с утонувшими рыбами и летающими лошадьми, но нет миров с дядями женского пола или с матерями, не имеющими детей”, - отмечает П. Сгалл (8, с. 396).

Важно подчеркнуть, что, с одной стороны, логические построения нуждаются в языковом материале, который бы иллюстрировал работу подвергаемых анализу механизмов мышления, а с другой (в поиске истины) – они когнитивно ориентированы. Считается, что в данной области крайне необходим обмен мнениями между логиками и лингвистами, так как в логике понятие возможных миров разработано гораздо глубже, чем в науке о языке (9, с. 308).

II

Предметом нашего исследования является когнитивный аспект условных предложений русского языка (впрочем, это мог бы быть любой другой европейский язык, в частности, английский) с позиций иных миров, отличных от реального или действительного мира.

Под иными мирами мы имеем в виду ментальные пространства языка, в сфере которых в разной степени реализуется возможность бытования или совершения тех или иных действий. Выводы о степени возможности основываются на знаниях человека об окружающей действительности и о самом себе. Не случайно вероятность определяется как характеристика степени возможности появления некоторо-

го события при определенных условиях (10, с. 23).

Речь идет о картинах, полученных в результате мыслительных проекций действий как речевых актов в иную ипостась относительно позиции “здесь и сейчас”.

Каким же образом лингвист способен “уловить” факт существования иных миров? В нашей работе мы использовали несколько приемов, а именно (по следующим ниже разделам, в том же порядке):

1. Когнитивный анализ условных предложений;
2. Простейший метод исчисления предикатов на основе знаний ролевых функций субъектов высказывания;
3. Метод контекстуального анализа, сводимый к анализу пресуппозиций;
4. Логика здравого смысла.

Можно выделить, по крайней мере, 4 семантических ареала иных миров:

1. Пространство ближайшего мира
Условные предложения данной сферы маркируются наибольшей или абсолютной вероятностью действия, мыслительная фиксация которого закреплена моделью “Если Р, то Q”. В рассуждениях о повороте выключателя, вызывающего активацию светового эффекта, подчеркивается универсальность ожидаемого результата при выполнении указанного условия, даже если в каком-то конкретном случае будет иметь место факт “обманутого ожидания” (например, в лампочке перегорела нить накала). Уверенность в истинности следствия зиждется на пресуппозиции известного физического закона – при замыкании электрической цепи инициируется поток электронов.

См. пример:

Если бы у ребенка была корь, у него болели бы глаза и горло, а на теле появилась бы характерная сыпь.

За “кадром” этой условной конструкции содержится информация о данной болезни:

Корь – это острое инфекционное заболевание, протекающее с лихорадкой, крупнопятнистой сыпью на теле, катаральным воспалением слизистой оболочки глаз, полости рта и дыхательных путей.

Ср. также:

Если бы камень попал в окно, оно разбилось бы; Если бы водитель вовремя не затормозил, произошла бы крупная авария.

Важно указать здесь на однозначное соответствие условия и следствия – если имеет место Р, то проявление Q обязательно и неотвратно.

Коллективный характер знаний следует отличать от экспликации личностных заблуждений, вербализованных по той же модели “Если Р, то Q”:

Если бы человек, властитель мира, умнейшее из дыхательных существ, произошел бы от глупой и невежественной обезьяны, то у него был бы хвост и дикий голос (А.П. Чехов. Письмо к ученому соседу).

Говорящий верит в неизбежность следствия при заявленном условии, но запас знаний, которыми он располагает, не соответствует истинному положению вещей в мире.

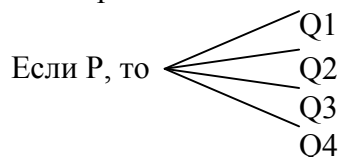
2. Пространство возможного мира

Под эту рубрику мы подводим условные конструкции, имеющие не одно, а множество потенциально возможных консеквентов, каждый из которых соответствует действительности в ее проекции на возможный мир.

Рассмотрим пример:

Если бы Юлины родители были бизнесмены, то они обязательно отправили бы родную дочь отдыхать на Канары.

Первый член условного предложения “Если бы Юлины родители были бизнесмены” (соответственно нашим знаниям о мире), может иметь ряд прогнозируемых вариантов, способных сформировать второй член условной пропозиции.

Если бы Юлины родители были бизнесмены,

Q1 – они жили бы в роскошном особняке.

Q2 – развзжали бы на иномарке.

Q3 – лечились бы в частной клинике.

Q4 – они определили бы дочь учиться в престижный вуз.

Таким образом, “они обязательно отправили бы родную дочь отдыхать на Канары” – лишь одно из следствий указанного выше условия.

См. другие примеры:

Вы, гражданин, непременно оборвали бы ваши шнурки, если бы наступили на них ногой (М.Зощенко Хорошая игра).

[Q1 – вы бы запачкали ваши шнурки
Q2 – вы бы запнулись
Q3 – вы бы упали, если бы наступили на них ногой]

Вот бы мать с отцом были живые, ты бы с ребятами приехал – сидели бы все на веранде, чай с малиной попивали (В. Шукшин. Чудик).

Если бы не революция, разве я пошел бы в дети лейтенанта Шмидта? (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).

Хотя левая часть конструкции представляет собой условие, открытое для выражения потенциально возможных действий, фиксируется только один из этих возможных вариантов.

3. Пространство “мира упущенных возможностей”

Условное предложение “мира упущенных возможностей” несут информацию о действиях, которые могли бы иметь место в прошлом, но по ряду причин не состоялись и остались лишь в области воображения:

Вчера, когда я плакала перед вами, если бы мне сказали одно слово, одно только слово – я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше...Прощайте навсегда (И. Тургенев. Ася)

Он (Пушкин) писал бывшему лицеисту Малиновскому: кажется, если бы при мне должна была случиться несчастная его история, роковая пуля встретила бы мою грудь – я бы нашел средство сохранить поэта – творца, достояние России (А. Слонимский. Пушкин и Пушкин).

Размышляя тогда, и теперь очень часто, о ранней смерти друга, не раз я задавал себе вопрос: “Что было бы с Пушкиным, если бы я привлек его в наш союз и если бы пришлось ему испытать жизнь, совершенно иную от той, которая пала на его долю”. (И. Пущин. Записки о Пушкине).

Знания говорящего концентрируются на ситуации DE FACTO; нереальные возможности, указанные в приведенных выше условных конструкциях, позволяют судить о сложившихся в действительности, сценариях, продиктованных фактическим стечением обстоятельств, которые могут оказаться антонимичными по отношению к динамике воображаемых событий. Хотя сослагательное наклонение не имеет временных характеристик, в плане содержания высказываний актуализируется так называемое ирреальное прошлое (11, с. 127).

4. Ирреальный мир

Ирреальный мир, отражаемый в условных предложениях, подразделяется в нашей иерархии “миров” на две ипостаси: нереальный, но земной мир и алогичный мир.

Условные предложения, фиксирующие ирреальный, но земной мир, оперируют фактами и событиями, которые, в принципе, физически возможны, но они – нелепо преувеличены или комически бессмысленны:

*Если бы выставить в музее
плачущего большевика,
Весь день бы в музее
торчали ротозеи.
Еще бы - такое
не увидишь и в века!*
(В.Маяковский).

В.И.Ленин)

Обществу было бы приятно, если бы правительство сослало бы всех мужей на Сахалин (А. Чехов. Мститель).

Чего – чего, а есть Иван умел. И если бы за это умение давали звание, то Иван был бы примерно подполковником (Л. Давыдычев. Многотрудная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семенова, второкласника и второгодника).

Может быть, и есть такое место под солнцем, где за рекордный аппетит дают определенные знаки отличия? Излюбленная шутка лондонских подростков – застыть на несколько минут в зале знаменитого Музея восковых фигур мадам Тюссо. Однако подобные события нарушают общепринятые стереотипы поведения и напоминают сцены из театра абсурда.¹ В ре-

альной жизни “так не делают” и “так не поступают”. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть некосмический характер как самих деятелей, так и условных действий, хотя они квалифицируются как смешные и несуразные.

Алогичный мир – это “иной мир” в полном смысле этого слова. О сослагательном наклонении как о явлении, отражающем факты иных миров, пишет А.А. Кретов. По А.А. Кретову, исследовавшему проблему констатации “невозможного” (и сослагательное наклонение-первый, хотя и не единственный его маркер), категория невозможного трактуется как категория скрытой грамматики русского языка, в отличие от явной её манифестации в некоторых других языках. Так, например, в абхазском языке имеются специальные грамматические средства, выражающие оценку высказывания говорящим с точки зрения соответствия-несоответствия его содержания действительности и тем самым указывающие на объективацию фантазии, вымысла, воображения в речи. Учёный подчеркивает, что категория невозможности позволяет определить рамки “языковой картины мира”, выявить представления носителей языка о том, что возможно или невозможно в окружающей нас действительности. “Категория ирреальности, - подчёркивает А.А. Кретов, - обслуживает креативную, творческую функцию языка и основана на осознании языковым коллективом относительной независимости, самостоятельности, свободы языка от окружающей действительности” (12, с. 131).

См. нижеследующие иллюстрации:

Фигуры (в костюмах Евы) кокетливо улыбались и вообще имели такой вид, что, кажется, если бы не обязанность поддерживать подсвечник, то они прыгнули бы с пьедестала и устроили бы в комнате такой дебош, о котором, читатель, даже и думать неприлично. (А. Чехов. Произведение искусства).

Если бы хоть одна настоящая звезда упала на заслуженную грудь, то не осталось бы ни того человека, ни даже самых отдаленных его единомышленников. (Сочинение Козьмы Пруtkова. Афоризмы.)

Вот если бы я умела вся складываться, как подозренная труба или, еще лучше, как веер, - тогда бы другое дело! Научил бы меня кто-нибудь, я бы сложились и все в порядке (Л. Керрол. Алиса в стране Чудес. – Пересказ Б. Заходера).

Отец обожал маленьких детей. Сам пеленал, купал и наверняка кормил бы грудью, если бы она у него имелась (Из газет)

В качестве фильтра вероятности подобных событий выступает здравый смысл. Здравый смысл – это совокупность взглядов людей на окружающую действительность и самих себя, используемых в повседневной практической деятельности. Именно с позиции здравого смысла мы понимаем юмористический “запал” приведенных выше условных предложений.

Тем не менее, разграничение двух сфер “ирреального мира” не абсолютно. Еще в 20-ых годах В. Асмус писал: “Самый отчаянный фантаст и визионер не “творит” свои образы, но слагает их, комбинирует, синтезирует из реальных данных и реальных компонентов опыта. Поэтому в самом безумном и нелепом представлении всегда можно найти какой-то пусть ничтожный, но все же реальный эквивалент” (13, с. 30-31).

Ах, - говорил Бендер –высокий класс! Если бы я был женщиной, то делал бы такому мужественному красавцу, как вы, восемь процентов скидки с обычной цены (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Размышляя о фактах фантазии, философ начала века не мог и предположить, что, например, достижения медицины позволят изменять пол человека, данный ему от природы, то есть алогичный мир вдруг станет возможным миром. Удивительно, что превращения Шарикова в “Собачьем сердце” М.А. Булгакова воспринимается читателем и зрителем не как метафора, а как реальный факт. Мир художественных произведений, творимый пером художника, - это особый предмет изучения.

Таким образом, проведенное исследование показало, что содержание давно вошедшего в научный обиход термина “семантическое пространство языка” не является одноплановым. Наши знания способны подразделять это пространство на возможные миры. Эти миры существуют не “где-то там”, а в сознании человека.

Сослагательное наклонение вывело нас на проблему существования целого ряда миров, открывая перспективу более глубокого анализа “возможных миров” на материале выражаемых в языке условно-следственных отношений.

¹ Драма абсурда – одно из проявлений авангардизма в западноевропейской драматургии 50-60-х гг. 20 в; для драмы абсурда характерны гротескная демонстрация ложности и бессмысленности человеческого бытия, действительность предстает лишенной внутреннего смысла и причинно – следственной связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Храковский В. С. Условные конструкции: взаимодействие кондициональных и темпоральных значений // Вопросы языкознания. - 1994. - №6. - С.129-139; Он же; Исчисляющие классификации в типологии // Вопросы языкознания. –1996. - №3. - С.42-54; Он же: Анкета для описания условных конструкций // Вопросы языкознания. – 1996. - №6. - С.49-71.

Философский энциклопедический словарь, М.,1983.

Краткая философская энциклопедия. - М., 1994.

Adams P.M. Possible Worlds // The Cambridge Dictionary of Philosophy.- Cambridge University Press, 1996. - P.633-634.

Крипке С. Тождество и необходимость / Пер. с англ. Л.Б. Лебедевой // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). - М., 1982. - С.340-376.

Davis W. Counterfactuals // The Cambridge Dictionary of Philosophy.-Cambridge University Press, 1996. P.163-164.

Ле Пор Э. В каких отношениях не-удовлетворительна теоретико-модельная семантика / Пер. с англ. Н.Н. Перцовой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII.- Логический анализ естественного языка.- М., 1986. - С.173-193.

Сгалл П. Значение, содержание и прагматика / Пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. - М., 1985. - С.384-398.

Карттунен Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением / Пер. с фр. А.А. Зализняк // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. - М., 1985. - С.303-332.

Горский Д. П. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике. - М., 1991.

Менькова Н.В. Сослагательное наклонение в значении изъявительного // Семантика языковых единиц. - Доклады VI Международной конференции.- Т.2. - М., 1988. - С.127-129.

Кретов А.А. Невозможное в русском языке // *Linguistica Silesiana* 15, 1993. - С.123-131.

Асмус В.Ф. В защиту вымысла // Вопросы теории и истории эстетики. - М., 1968. - С.11-35.

М.К. Сабанеева

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ РЕЧИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЭПОСЕ.

Известно, что старофранцузские эпические поэмы включают, как правило, участие хора. Так, А. Миша (Micha, 1976, 11-15) указывает на то, что “коллективная речь” распространена и в эпосе и в романе, причем в эпосе “коллективная речь” более лаконична и многочисленна, в то время как в романе она значительно пространнее, зато встречается намного реже. А. Миша обращает внимание на то, что самая простая форма “коллективной речи” представляет собой воинственный клич массы сражающихся воинов. Он отмечает также, что “коллективная речь” может предстать как в форме ответа (на вопрос или без вопроса), так и в форме монолога.

Использование “коллективной речи” представляет собой, как известно, одну из древнейших форм народного песенно-

го и зрелищного искусства, получившую особо разнообразное и художественное развитие в античном греческом театре, где “хор представлял собой неиндивидуальную общую почву умонастроений, представлений и чувств, на которой должно происходить определенное действие” (Гегель, 1968, 201).

Участие хора, “коллективной речи”, в эпических поэмах Франции могло, как это имело место в свое время в греческой трагедии, восходить к народно-обрядовым играм и зрелищам.

Материал свидетельствует о том, что, во-первых, хоры выполняют в эпическом тексте различные функции и, во-вторых, в разной степени представлены в различных эпических поэмах. В настоящей работе делается попытка рассмотреть коллективную речь с двух точек зрения: типологии речевых актов и участия коллек-